У каждого мужчины есть период, когда главной и единственной женщиной в его жизни является мама. У большинства этот момент заканчивается ещё до того, как они по-настоящему становятся мужчинами. У кого-то напротив — мать перестаёт быть единственной женщиной, но навсегда остаётся самой главной.

Первые воспоминания Драко Малфоя связаны именно с матерью. Они нечеткие и часто обрывистые. Вот Нарцисса укладывает пятилетнего сына спать, и её руки пахнут мёдом с молоком. На ней длинная шёлковая сорочка, и он считает мамочку самой красивой. А вот она читает ему перед сном сказку о Зайчихе Шутихе, пока он не уснёт, растворив сознание в тёплых волнах маминого голоса.

В шесть лет Драко абсолютно уверен в том, что когда вырастет, он отрастит такие же длинные волосы как у папы и женится на маме. Ведь Малфои всегда получают самое лучшее. И именно мама — лучшая в мире женщина.

У него есть много разных детских воспоминаний, но вот одно (несмотря на то, что приобретено в восьмилетнем возрасте) слишком уж смазанное, и он не уверен, произошли ли все эти размытые события на самом деле.

Восьмилетний Драко внимательно смотрит на лохматую брюнетку, которую мама назвала тётей Беллой, прежде чем отойти переговорить со строгим мужчиной в тёмной аврорской мантии. Пока они одни, тётя Белла громко смеётся и спрашивает, любит ли он мамочку. Драко добродушно кивает и искренне улыбается «тёте», умиляя её милыми ямочками на ангельском детском личике. Тётя Белла украдкой смотрит на каменную стену и большую металлическую дверь, а затем наклоняется ниже, и Драко чувствует тяжёлый запах её немытых волос. Она раскатисто смеётся, чем немного пугает его, и спрашивает, любит ли он и тётю Беллу тоже. Драко немного сомневается, но всё-таки вновь дарит ей детскую невинную улыбку и утвердительный кивок.

Воспоминание обрывается, и он счастливо живёт с этим странноватым обрывком дальше, даже не вспоминая о скандальной семейной истории о том, как Нарцисса, не сказав мужу, потащила ребёнка в Азкабан, чтобы встретиться с сестрой.

И только к десяти годам он постепенно вспомнил, что происходило с ним и его тётей дальше.

Он вспомнил чуть шальной взгляд и скользкий большой язык у себя во рту. Как холодные руки с длинными неухоженными ногтями касались его шеи и скул, а тяжёлые волнистые волосы щекотали лицо. Он не чувствовал совершенно ничего: ни страха, ни дискомфорта, ни тем более удовольствия. Ребёнком он попросту не понимал, что происходило, и в итоге его память временно «самоочистилась» до того момента, пока он не смог осознать всё и проанализировать.

«Покажи тёте Белле, как ты её любишь, малыш Драко», — набатом звенело в его голове, когда он ворочался в кровати перед сном. Эти воспоминания словно всплывали из тумана, и Драко не знал наверняка, происходило ли всё на самом деле и так ли всё было, как он помнил. Когда

позже он спросил у мамы, водила ли она его знакомиться с тётей, та ответила, что нет. И что он просто придумал эту историю, насмотревшись на маленькие зачарованные портреты на гобелене, изображающем родовое древо Блэков. Мама ведь не смогла бы ему солгать, и со временем он просто выбросил эти обрывки воспоминаний из головы.

Тогда же, в десять лет, он ближе познакомился с Пэнси Паркинсон — хрупкой темноволосой девочкой с цветочным именем. Миссис Паркинсон зачастила к Нарциссе с визитами на чай, а Пэнси в это время играла с ним в саду и без умолку болтала о том, что совсем скоро они поедут в Хогвартс и наконец смогут колдовать. Драко отвечал, что он обязательно поступит на Слизерин, как его отец, и станет таким же могущественным колдуном. А ещё капитаном команды по квиддичу.

В конце лета, когда ему уже исполнилось одиннадцать и он с нетерпением дожидался наступления сентября, Драко стал засиживаться в библиотеке Мэнора, чтобы узнать как можно больше нового о заклинаниях и магии. Совсем скоро ему должны были купить палочку, чтобы он смог практиковаться в чарах.

Возвращаясь из библиотеки около одиннадцати вечера, он тихонько стал красться мимо приоткрытой двери в родительскую спальню. Мама перестала укладывать его спать и была уверена, что он уже давно в постели. Заметив палочку в руках отца, Драко замер и затаил дыхание.

Нарцисса, по своему обыкновению, была одета в небесно-голубую лёгкую ночную сорочку и лежала на покрывале. Её руки были странно подняты к изголовью. Драко не видел сковывающих верёвок или чего-то в этом роде, но запястья были подняты и, казалось, зафиксированы. Люциус сидел у подножья кровати и направлял на жену волшебную палочку, крепко сжимая серебряную рукоятку в форме змеиной головы.

Драко вздрогнул, когда вместе с произнесённым отцом заклинанием «Серпенсортия» из палочки вырвалась полоска белого света. Он хотел подбежать к мамочке и защитить её, но испугался змеи, которая образовалась из белёсой вспышки. Его отец продолжал вести палочкой, управляя наколдованной змеёй, а Драко в эти секунды забыл как дышать. Змея блестящей чешуйчатой лентой потянулась по неприкрытому сорочкой маминому бедру. Но, что ещё более странно, Нарцисса лишь запрокинула голову назад, не издав ни звука. Когда хладнокровное существо скрылось под тончайшим шёлком, Драко мог различить лишь выпуклую движущуюся полоску. Проползая между ног и поднимаясь выше, эта полоска заставила Нарциссу издать стон. И Драко почему-то выдохнул с облегчением. Этот стон не был стоном боли или страха. Чем именно он был, мальчик пока не знал точно, но решил оставить родителей в покое и направиться в спальню. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что идти ему стало неудобно.

Забавно, что в стрессовой ситуации на втором курсе он вспомнил именно это заклинание во время дуэли с Поттером, и, что ещё невероятнее, оно получилось у него с первого раза.

До четырнадцати лет Драко Малфой, сам того не понимая, занимался сублимацией. Вся его энергия уходила на ненависть к «золотому трио» и на попытки быть достойным сыном своего

отца. Постоянное давление преследовало его с тех самых пор, как он впервые сел в Хогвартс-Экспресс. К счастью, Распределяющая шляпа оправдала ожидания, и он легко стал лидером среди первокурсников своего факультета. Поттер то и дело портил ему жизнь: натравливал гиппогрифов и шальных, разбивающих носы грязнокровок. Однако Драко держал марку и подбородок высоко.

На четвёртом курсе Пэнси затащила его на Астрономическую башню целоваться. Это оказалось неожиданно приятным занятием, но не более того. Ещё одной неожиданностью стало то, что после их так называемого свидания Паркинсон растрепала всем и каждому, что они теперь, оказывается, встречаются. Первой мыслью было отрицать всё, возможно, посмеявшись над самонадеянной девочкой, но, заметив в глазах сокурсников уважение, а кое у кого даже восторг, Малфой смекнул, что можно подыграть и извлечь социальную выгоду из ситуации. Он абсолютно ничего не чувствовал к Паркинсон. Вообще ни к одной девчонке. Но то, что он первый на потоке завёл отношения, немного тешило самолюбие. И неважно, что именно Паркинсон была инициатором всех их вечерних сеансов лобызания в факультетской гостиной.

Ему, конечно, нравились пошлые колдо, которые протащил в общежитие Забини, но в свои четырнадцать Драко и в голову не приходило, что те шикарные сексапильные ведьмы имеют хоть что-то общее с девчонками из их школы. Тем более с Пэнси.

Несмотря на то, что у Пэнси было обидное прозвище «мопсиха», никто не смел называть её так в лицо. Особенно после того, как она стала девушкой Драко Малфоя. А поэтому выгода от этих отношений была взаимной. Мало кто знает, но прозвище это пошло именно от слизеринцев. И дело было не в том, что лицо Паркинсон было уродливым или сморщенным. Просто мать Пэнси обожала своих собак: у неё было три мопса, в которых та души не чаяла. И однажды Миллисента пошутила, что якобы миссис Паркинсон не видит особой разницы между своими плоскомордыми псинами и родной дочерью. Шутка трансформировалась и дошла до ушей гриффиндорцев. И кто-то особо «умный» наобум ляпнул, что брюнетку прозвали так из-за кругловатой, как у собаки, формы лица.

Их «отношения» длились весь четвёртый курс и всё лето перед пятым годом обучения. В то время Драко ещё не осознавал, что именно это лето станет концом его беззаботного детства.

На день рождения Паркинсон подарили собаку. В отличие от матери, Пэнси захотела завести добермана, а не мелкую милую собачку. Всё лето они с Драко гуляли с её новой питомицей по окрестностям Уилтшира, недалеко от территории поместья. В самом поместье собака неадекватно реагировала на павлинов, и им приходилось гулять с ней по пустынным лугам. Часто Пэнси на время отпускала Касси (сокращённо от Кассиопея) побегать, а сама обжималась с Драко под кроной какого-нибудь дерева. Тем летом он впервые полез ей под платье и обнаружил все прелести прикосновений к округлившейся девичьей груди. На километры вокруг не было ни души, только горячий летний ветер, стрекотание цикад и тонкий запах возбуждения Пэнси.

Их вечерние прогулки стали своеобразным ритуалом: Драко встречал свою девушку с её собакой у ворот Мэнора, и они несколько часов бродили среди высоких Уилтширских трав. Касси ловила кузнечиков где-то неподалёку, пока он целовал Паркинсон, лаская молочную

кожу под тонкой тканью летних сарафанов.

Однажды они забрели так далеко, что обнаружили в десятке метров железнодорожный путь. Они обосновались неподалёку и предались петтингу. Драко стоял за её спиной и медленно поднимал лёгкий сарафан вверх, попутно лаская нежную кожу и обводя языком родинки у ярёмной вены. Он редко лез в трусики Пэнси, но настаивал на том, чтобы она не носила бюстгальтер. Драко любил обнажать её полную грудь и наблюдать, как тёплый ветерок заставляет тёмные соски твердеть. В тот день, услышав шум, Паркинсон попыталась поскорее одёрнуть подол. Но Драко не дал ей этого сделать. Он удерживал её руки с поднятой тканью на месте, пока не показался пассажирский поезд. Куда тот следовал, ему не было известно, как и то, были пассажиры магглами или волшебниками. Но что Драко знал наверняка — многие сидящие в пролетающих мимо вагонах могли краем глаза заметить, как красивый светловолосый юноша ласкает одной рукой полуобнажённую брюнетку с очаровательной пышной грудью, выставленной напоказ средь бела дня. Когда через несколько минут состав исчез из виду, оставив после себя лишь отдаляющийся шум, Драко отпустил уже слабо вырывающуюся Пэнси.

— Даже не думай обижаться, милая, — сказал он, чуть растягивая слова. — Я же видел, как намокли от этого твои трусики.

Паркинсон молчала всю дорогу домой и не приходила следующие четыре дня. Но на пятый эльф оповестил Драко о том, что юная мисс ждёт его у ворот поместья. Под её сарафаном снова не было лифчика, а на губах играла лукавая улыбка.

В конце августа Драко дождаться не мог начала учебы. Отец постоянно уходил из дома вечерами и всё чаще твердил о возрождении Хозяина. Драко не хотел принимать реальность, в которой у его отца мог быть «хозяин», поэтому старался отрицать происходящее. Разговоры с Пэнсифорой были глупыми и пресными, а её тело начинало казаться ему привычным и скучным. Она не позволяла лезть к себе в трусики и сама отказывалась касаться его ТАМ. Драко несколько раз доводил её до оргазма через ткань белья, но ему порядком надоело неистово дрочить в ванной после этих прогулок. Однажды, когда Пэнси в очередной раз отпустила Касси порезвиться, он взял из рук девушки собачий ошейник и улыбнулся своей шальной идее. Он полчаса уговаривал Паркинсон поиграть с ним. Пришлось манипулировать её чувствами и ставить ультиматум. Если она его любит, она сделает это для него, если нет — они расстаются. Пэнси была обижена, но сдалась под натиском своего, как ей тогда казалось, любимого. Она спустила бретельки сарафана и позволила Драко надеть на неё собачий ошейник. Вначале всё даже шло неплохо. Он смотрел на неё таким взглядом, каким дети смотрят на рождественские подарки, а второкурсники на новую метлу. Но когда после ласк и поцелуев Драко с силой потянул вниз, ситуация начала выходить из-под контроля. Он был гораздо сильнее и явно желал, чтобы она встала на четвереньки. Её ярые возражения лишь наталкивались на сердитый взгляд серых глаз.

— Ты обещала поиграть, милая, — Драко чуть склонил голову набок, и внезапно он показался ей совершенно чужим, незнакомым человеком. — Сделай это ради нас. Ты же любишь меня?

Папина принцесса Пэнси впервые оказалась под психологическим давлением такой силы. Со слезами она опустилась на землю, осознавая, как далеко они зашли в её пятнадцать. В одних

только трусиках, в собачьем ошейнике она стояла на четвереньках прямо на улице, где невысокая трава не могла толком её скрыть. Что, если кто-то увидит их? Увидит её? Почему Драко хочет её унизить? Почему она позволила ему это? На всхлипы прибежала Касси, и Паркинсон, обняв своего четвероногого друга, зарыдала всерьёз.

Наконец, осознав состояние Паркинсон, Драко бросился за её одеждой, пока она, всхлипывая, стаскивала ошейник. Он долго успокаивал её и гладил, когда она оделась, а она в ответ лишь сильнее вздрагивала от его прикосновений. Больше она не приходила в Мэнор. В Хогвартсе Пэнси рассказала всем, что они не сошлись характерами, но остались друзьями. Хотя это и не было правдой. Увлечённый новыми порядками Амбридж, Драко не особо придавал этому значения. Он пытался не думать во время мастурбации о нагой и униженной Паркинсон и о том, КАК сладко было успокаивать её, бьющуюся в истерике, в тот день. Но не мог.

http://erolate.com/book/3451/82968